чудовища — не допускает компромиссов и толкает общество к «великим потрясениям». Сегодня необходимы иные, невоинственные образцы самопожертвования. Не знаю появится ли новый Герцен, способный предложить образованному слою продуктивный миф общественного служения, но без вдохновляющей утопии, или, по-простому, мечты у нашего общества нет шансов на будущее.

УДК 94(470+571)«18»:35.08
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00034

В. А. Шкерин

«...Видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей»: к вопросу о феномене «декабристов без декабря»

История движения декабристов прочитана в обратном порядке: от военных восстаний к зарождению тайных обществ. Во всяком случае, так обстояло дело в советский период, когда вышло в свет подавляющее большинство декабристоведческих публикаций. Для В. И. Ленина, а значит, и советской исторической науки, восстание на Сенатской площади было «основным по значению в движении декабристов»[1].

Десятилетняя деятельность тайных обществ рассматривалась как предыстория одного-двух революционных актов. В основание этой концепции легло «замечательное показание» (по характеристике академика М. В. Нечкиной) лидера Южного общества П. И. Пестеля: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во всё свое продолжение не переставало никогда быть таковым. <...> И потому не было члена в Союзе, на которого бы Союз не надеялся именно для произведения Революции, содействия ее успехам или участия в ней»[2].

Осведомленность Пестеля сомнений не вызывает, но у него как у подследственного имелись причины для искажения истины. Пестель, по словам Ю. М. Лотмана, принял «единственным собеседником потомство... не обращая внимания на подслушивающий этот разговор Следственный комитет»[3]. Он верил, что еще недавно мог изменить ход российской истории, теперь же ему выпало стать страдальцем за святое дело. Его показания — это его «житие»: в соответствии с канонами этого древнего жанра, истина не в том, что было, но в том, что должно быть. Так, по версии О. И. Киянской, именно Пестель выделил из сонма тайных обществ России первой четверти XIX в. ставший потом хрестоматийным ряд: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное и Южное общества, Общество соединенных славян: «И если бы Пестель состоял не в Союзе спасения, а, например, в Ордене русских рыцарей, то именно эта организация считалась бы первым декабристским тайным обществом»[4].

Между тем, еще на рубеже XIX–XX вв. В. О. Ключевский, обосновывая закономерность феномена декабризма, сами восстания счел событием в значительной степени случайным: «Довольно трудно сказать, вышли бы общества, Северное и Южное, на улицу под революционным знаменем, если бы не одна несчастная случайность. Император Александр I был бездетен...»; «Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генерал-губернатор Петербурга принял предупредительные меры или манифест о престолонаследии был заявлен заранее»[5]. Век спустя эта мысль была актуализирована статьей С. В. Мироненко «Восстания могло не быть» (2002 г.). Подтверждая, что «закономерность движения декабристов сомнения не вызывает», что тайные общества были порождены «объективными противоречиями российской действительности», историк, однако, пишет, что попытку военного переворота спровоцировало «исключительное стечение обстоятельств на исходе 1825 г.» и потому готов отнести ее «к числу исторических случайностей»[6].

Но, не случись восстаний, осталось бы движение декабристов в российской истории? «Мы бы имели те же самые факты: существовали тайные общества, Пестель написал “Русскую правду”, Никита Муравьев — Конституцию, были споры о формах правления и т. д., — отвечает на этот вопрос В. С. Парсамов. — В общем, всё было бы так, как и было, только не было бы терминов “декабрист” и “движение декабристов”»[7]. Высказав этот тезис во введении, автор соответственно выстраивает весь нижеследующий текст своей книги: там нет мятежного каре на Сенатской площади, зато есть декабристы как «мыслящие люди» первой четверти XIX в.

В подборе и воспитании этих «мыслящих людей», в единении их на основе либеральных ценностей состояло, возможно, важнейшее значение декабристских обществ. Исчезли ли все эти люди после трагического декабря 1825 г.? «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17-го декабря 1825-го года следственною комиссиею» содержит 579 имен (включая

более 40 участников восстаний, в обществах не состоявших). Половину из них (289 человек) составили те, чья вина была сочтена в различной степени доказанной. В их числе, помимо казненных, сосланных и разжалованных, 124 человека, переведенных в иные места службы и отданных под полицейский надзор, т. е. наказанных менее строго и сохранивших возможность продолжения карьеры. Лица, зачисленные во вторую половину (290 человек), были признаны чистыми от всяких подозрений. В их числе 34 человека, подвергшихся арестам и освобожденных «с очистительными аттестатами», и 120 человек, сведения о которых были оставлены «без внимания». «Очень многие из привлеченных и прикосновенных закончили свое поприще на высших ступенях служебной лестницы, пользуясь полным, по-видимому, доверием императора Николая Павловича и его преемника», — отмечали Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс, осуществившие первую публикацию «Алфавита» в 1925 г.[8]

Вышесказанное позволяет, на наш взгляд, ставить вопрос о месте и роли в российской истории XIX в. такого типа государственного, политического, общественного и культурного деятеля, как «декабрист без декабря»[9]. Он — представитель не революционного, но либерально-реформаторского крыла движения декабристов (при всей условности такого деления). Его идеалы и программа действий в общих чертах заданы уставом Союза благоденствия: правительство «должно иметь целию (ежели оно справедливо) *благо управляемых*», а тайное общество «в святую обязанность себе вменяет <...> споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена»[10]. Его участие в движении, как правило, ограничено ранним периодом — до 1821 г., пока сохранялась возможность для «некоего подобия конструктивной оппозиции»[11]. По мере угасания надежд на правительственные реформы в тайных обществах усиливались революционные настроения, и эти люди покидали их ряды.

Окончательное разделение на «первых русских революционеров» и «декабристов без декабря» если и произошло, то даже не на Сенатской площади и не в заснеженных украинских степях, а в Комендантском доме Петропавловской крепости (где проводились допросы и где был оглашен приговор) и в кабинетах Николая I. В монографии П. В. Ильина (2004 г.) на многих примерах показано, что приговоры не всегда адекватно отражали вину подследственных. Удачная стратегия защиты, родственные связи или влиятельные знакомства, наконец, личное расположение императора могли избавить от заслуженной кары и более «прикосновенных». «Что же касается нескольких лиц, которых он простил, как то: молодого Витгенштейна, Суворова, Лопухина, Шипова и Орлова, — комментировал милости монарха декабрист Н. В. Басаргин, — то тут действовала политика...»[12] Похожий список прощенных приводил Д. И. Завалишин, обобщая: «Ни в арестах, ни в присуждении наказаний или освобождении от них не было справедливости...»[13]

Но не обида на несправедливость приговоров определяла отношение репрессированных декабристов к своим делавшим карьеры товарищам. Формируясь в одной среде с высшей бюрократией, декабристы не видели непреодолимой дистанции между собой и представителями власти. Карьерные успехи «декабристов без декабря» воспринимались «первыми русскими революционерами» не только без осуждения, но и с гордостью сопричастности.

«Пора прозреть и отказаться от несправедливых предубеждений — против этих людей будущего, — писал М. С. Лунин в 1840 г. — Как все поля выигранных сражений обагрены их кровью, так и во всех разумных действиях власти мы находим влияние их идей»[14]. Князь С. П. Трубецкой иронизировал: «...видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей, когда многие из бывших его членов продолжали занимать <...> высокие должности; даже в числе их есть и такие, которые вытерпели некоторые кары. Назовем только малое число таких лиц, которые занимали немаловажные места. Вольховский был после начальником штаба Грузинского отдельного корпуса; Бурцов — генерал-майором и убит за Кавказом в войну с турками. Граббе и Гурко ген[ерал]-адъютанты и командовали на Кавказе дивизиями, и последний был у гр[афа] Воронцова начальником штаба; Николай Муравьев командовал корпусом; брат его Михайла — сенатор; князь Горчаков — начальник штаба у князя Варшавского в действующей армии; кн[язь] Долгоруков, Илья Бибиков при в[еликом] к[нязе] Михаиле Павловиче; Колошин — начальником департамента какого-то министерства; Кавелин, Годеин оставались адъютантами у государя, и первый теперь петербургским генерал-губернатором; Панютин, Хотяинцев, Набоков командуют дивизиями; князь Лопухин оставался дивизионным командиром; Перовский — министр внутренних дел. Литке — наставник в[еликого] к[нязя] Константина Николаевича»[15]. Подобным же образом рассуждал барон А. Е. Розен: «В защиту нравственных достоинств членов тайного общества достаточно будет заметить, что император Николай I <...> признал полезным не отвергать услуг бывших членов тайного общества, ни осужденных, ни помилованных или безусловно прощенных до приговора суда. Из них назначил он трех министрами, четырех — генерал-губернаторами в Петербург, в Ригу, в Вильно, в Киев. Из числа членов тайного общества имел он отличного корпусного командира, трех передовых действователей в турецко-персидской войне, дежурного генерала, начальника собственной своей канцелярии III Отделения. Воспитание в военно-учебных заведениях большинства юношей русского дворянства вверено надзору бывшего члена тайного общества Я. И. Ростовцева»[16].

На политический аспект участия бывших членов тайных обществ в работе правительства Николая I указывал Д. И. Завалишин: «...не раз слышалось потом неправильное мнение, что будто бы либеральное движение, кончившееся 14-м декабря, не привело ни к каким результатам и даже будто бы дало результат отрицательный, напугав правительство. Как будто это было возможно! Уже

одна необходимость, в которую было поставлено правительство, доказать, что оно хочет и может сделать больше и лучше, заставляла его думать серьезно об улучшениях и о мерах к прекращению злоупотреблений... Всё это подтвердилось и первым манифестом, и последующими действиями — падением Аракчеева и военных поселений, ссылкою Магницкого и преобразованием ученья, участием в судьбе греков и принятием мер против злоупотреблений, учреждением жандармов и пр., т. е. старанием решить хоть на свой лад, но те же самые вопросы, которые были подняты и обществом. А как этим путем они никак не могли быть решены, то и пришлось волею или неволею обратиться к либеральным идеям и необходимости преобразований в либеральном смысле, что еще неизбежнее, чем многие из уцелевших членов общества достигли высших положений и не могли не внести в правительственную сферу своих прежних либеральных понятий»[17].

Упреки декабристам, против которых возражал Завалишин, звучат и поныне: «Именно реакцией на радикализм декабристов стало консервативное царствование Николая I, реакцией на террор народовольцев — консервативное царствование императора Александра III»[18]; «Декабристы и революционеры-террористы не принесли пользы, они только испугали, разочаровали и "заморозили" реформы, которые учитывали бы реалии России и ее исторический опыт»[19]. Однако поворот к реакции произошел еще в последние годы правления Александра I (чем и была вызвана ответная радикализация тайных обществ), при Николае I произошло закрепление и усиление реакционно-охранительной тенденции. Так понимали причинно-следственные связи в политической истории России первой половины XIX в. многие научные авторитеты — от В. О. Ключевского до нынешних специалистов по указанному периоду[20]. Декабристы в приведенных цитатах с ленинской прямотой поставлены в один родовой ряд с революционерами-террористами, а относительно рыхлое в организационном плане движение декабристов уравнено с жестко централизованной боевой организацией «Народная воля». Но, повторимся, декабрист — не обязательно революционер, и как минимум половина известных участников таковыми не являлась.

Возможно, лучший пример «декабриста без декабря» представлял собой упомянутый Трубецким министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский. По словам того же информатора, Перовский присоединился к движению еще на этапе Союза спасения[21]. После распада Союза благоденствия участия в позднейших тайных обществах не принимал. В декабре 1825 г., уже оставив воинскую службу, находился в Италии (о чем сожалел тот же несостоявшийся диктатор Трубецкой[22]). Спешно вернувшись на родину, подал в собственные руки императора записку, в которой сознался в былой принадлежности к обществу, у которого «намерение было подготовить умы к принятию конституции и побудить, насколько это будет возможно, помещиков предоставить свободу своим крепостным» и вообще «заняться распространением либеральных идей»[23].

Участие в тайных обществах Льва Перовского, как и его брата Василия, высочайше повелено было оставить без внимания.

Служа с 1826 г. в удельном ведомстве и занимая посты вице-президента департамента и товарища министра, Л. А. Перовский провел реформу удельной деревни. Ключевыми моментами реформы стали: введение общественной запашки, образование продовольственных запасов и «хлебных капиталов», расходовавшихся на нужды общины, замена подушного оброка поземельным. «Попечительная» реформа Перовского была предложена Николаем I Секретному комитету 1835 г. в качестве образца «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» и оказала заметное влияние на последующую реформу государственной деревни П. Д. Киселёва. Предполагалось, что разработанные правовые нормы позже будут распространены на помещичью деревню. Став в 1841 г. министром внутренних дел, Перовский подал императору ряд проектов по ограничению крепостного права: о статусе дворовых людей (обсужден Секретным комитетом, издан закон 12 июня 1844 г.); «Об уничтожении крепостного состояния в России» (обсужден Секретным комитетом 1846 г., закреплены некоторые имущественные права крепостных)[24]. В 1846–1848 гг. поддержку законодательным инициативам министра пытался организовать тульский губернатор Н. Н. Муравьев (будущий граф Амурский), опираясь на группу помещиков, в которую входил поднадзорный декабрист граф В. А. Бобринский[25].

Результативность антикрепостнических проектов Льва Перовского оказалась невелика, но в общественном мнении имена его и министра госимуществ Киселёва стали означать главных «действователей» против крепостного права. Так, после издания указа об обязанных крестьянах 1842 г. А. И. Тургенев писал В. А. Жуковскому из Парижа: «...сила божия в немощах совершается! т. е. в Льве Перовском, хотя уверяют, что главный подстрекатель — Киселёв. И брат (декабрист-эмигрант Н. И. Тургенев. — *В. Ш.*) ожил и в восхищении!»[26] В апреле же 1848 г. Ф. В. Булгарин сообщал управляющему III отделением Л. В. Дубельту: «В Москве появилась карикатура: идет тень Пугачёва, опираясь одною рукою на плечо Перовского, а другою на плечо Киселёва»[27].

Последнее донесение агента-литератора метило в болевую точку: Европу уже охватили революции, на фоне которых решать крепостной вопрос в России представлялось делом рискованным и несвоевременным. Тем паче, если инициативы исходили от бывшего члена тайных обществ. Действуя на опережение, в Особенной канцелярии МВД было сфабриковано дело петрашевцев. «Иван Петрович Липранди — главный автор всей истории», — утверждал штабс-капитан П. А. Кузьмин, арестованный по этому делу, но сумевший оправдаться[28]. Фактически возглавлявший Особенную канцелярию И. П. Липранди сам в 1826 г. подвергался аресту по делу декабристов и также был отпущен с оправдательным аттестатом. В целом же, в качестве «авторов», следователей и судей к делу петрашевцев оказались причастны члены и предполагаемые члены

декабристских обществ: Л. А. и В. А. Перовские, И. П. Липранди, Л. В. Дубельт и Я. И. Ростовцев[29]. Обезопасить себя и, возможно, не только себя Лев Перовский сумел, но потрясения 1848–1849 гг. остудили его реформаторский пыл. В 1852 г. он сменил пост министра внутренних дел на более спокойное кресло министра уделов. В оппозиционной среде не обошлось без слухов, что этот переход был вынужденным: «...и Перовский попал в либералы», — писал А. И. Герцену петрашевец В. А. Энгельсон[30].

Помимо крестьян в крепостной зависимости находились различные категории заводских работников. Заниматься регламентацией их прав и обязанностей выпало на долю бывшего члена Союза благоденствия Владимира Андреевича Глинки, служившего в 1837–1856 гг. главным начальником горных заводов хребта Уральского. В 1847 г. вступили в силу разработанные по его инициативе новые штаты казенных горных заводов Урала. Для каждого заводского округа и каждой категории работников были определены объемы работ и оплат, впервые был установлен единый срок службы мастеровых и работных людей (35 лет), оговорены их права на получение пенсиона в старости. Еще ранее, в 1841 г., генерал Глинка заявил императору о необходимости «ввести во всех частных горных заводах Уральского хребта те же самые насчет содержания людей положения, которые с такою пользою введены уже в заводах казенных»[31]. Не получив монаршего согласия в целом, он принялся решать проблему по частям: предлагал распространить действие штатов на казенных работников, приданных частным предприятиям; на те горнозаводские округа, хозяева которых плохо содержали рабочих; добивался передачи таких округов в опекунское управление и казенный присмотр; секвестровал их продукцию, чтобы вернуть рабочим долги по заработной плате и т. д. Этим были вызваны многолетние конфликты Глинки с заводчиками, в частности с генералом И. О. Сухозанетом, пушки которого расстреляли мятежное каре на Сенатской площади[32].

За два десятилетия уральской службы Глинки на казенных заводах края не произошло ни одного возмущения рабочих. В тот же период на частных заводах конфликты вспыхивали чуть ли не ежегодно. Главное требование при этом заключалось в распространении на частные заводы действия казенных штатов: «...пусть им дадут плату по 20 копеек за короб, только бы по штатам», «до объявления штатов они не разойдутся» и т. п. Общность требований главного начальника заводов и рабочих не означала поддержку с его стороны возникавших неповиновений. «Для обуздания своевольства заводских людей» генерал Глинка предлагал «судить их за все вины судом военным»[33].

И это была последовательная позиция: «русский бунт» декабристы воспринимали как величайшую опасность, предотвращение которой составляло одну из целей тайных обществ. «Должно было представить помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные для себя

условия... — вспоминал С. П. Трубецкой. — С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычею честолюбцев; наконец может распасться на части и из одного сильного обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века»[34].

Крестьянские волнения 1830-х гг. явились традиционалистским ответом на реформу министра Перовского, «картофельные бунты» 1840-х гг. — на реформу министра Киселёва. К усмирению этих беспорядков приложили руки сановные «декабристы без декабря»: министр Л. А. Перовский, оренбургский военный губернатор В. А. Обручев, начальник заводов В. А. Глинка. Но и ссыльный В. И. Штейнгейль не без гордости вспоминал, как по просьбе сибирского губернатора составил «остерегающую прокламацию народным вразумительным языком и потом еще две кратких, но сильных»[35]. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский, столкнувшись в 1835 г. с нежеланием казаков заводить общественную запашку и делать хлебные запасы, письменным приказом объявил им, что «никто не испрашивал <...> согласия, а требовалось одно только исполнение»[36]. Служа на высоких постах, бывшие члены тайных обществ теперь уже от имени государства заботились о «благе управляемых», привычно считая их неспособными к восприятию этого «блага». «Русский так напуган, так раболепен, что всякое изменение он толкует к худшему... — рассуждал вернувшийся из Сибири декабрист А. В. Поджио. — По весьма ли естественному свойству забитого раба или же по недоверию к каким бы то ни было улучшениям в его быте, дело в том, что причины эти, взятые вместе, всегда поясняли сопротивления, которыми крестьяне встречали всякое нововведение»[37].

Так на повестку дня вновь выдвигался вопрос народного просвещения. Перечисляя влиятельные должности, занятые членами тайных обществ, А. Е. Розен назвал по имени только одного из них — начальника штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева. Трехступенчатая система образования рабочих была создана на горнозаводском Урале за годы службы В. А. Глинки: 28 заводских школ, 6 окружных училищ (с 1847 г.) и первое среднетехническое учебное заведение края — Уральское горное училище (с 1853 г.). Во всех казенных горнозаводских округах также были открыты училища для «мастерских дочерей», хотя женский труд на заводах не применялся. Поочередное управление Оренбуржья В. А. Перовским и В. А. Обручевым в 1839–1857 гг., несмотря на их взаимную нелюбовь и противоборство, оставило в наследство краю Неплюевский кадетский корпус, училище земледелия и лесоводства, Николаевский женский институт и пр.

Если бы административная деятельность «декабристов без декабря» ограничилась правлением Николая I, то в лучшем случае поле ее возможностей простерлось от либеральных инициатив (как правило, сочтенных несвоевременными или неудобоисполнимыми) до событий, не предполагавших политической

маркировки. Однако сановники-долгожители из их числа еще в силе встретили эпоху царя-реформатора Александра II. Деятельными членами Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу стали: министр госимуществ Михаил Николаевич Муравьёв (Союз спасения и Союз благоденствия), министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской (Союз благоденствия) и член Госсовета Яков Иванович Ростовцев (Северное общество). В советской историографии «Муравьёв-вешатель» (репутация, заслуженная им на посту генерал-губернатора мятежного Северо-Западного края) заодно характеризовался как «противник освобождения крестьян, противник либеральной бюрократии»[38]. Ныне эта оценка поставлена под сомнение М. Д. Долбиловым, проанализировавшим разногласия Муравьёва с другими членами крестьянского комитета и в первую очередь с Ростовцевым[39]. Что, разумеется, не умаляет ключевой роли Ростовцева (главы комитета с мая 1858 г. и Редакционных комиссий с момента их создания в 1859 г. до своей кончины в феврале 1860 г.) в подготовке проекта «Положения о крестьянах», а следовательно, и самой отмены крепостного права.

Продолжившие государственную службу декабристы — сторонники либерально-реформаторского пути преобразований, обеспечили преемственность от программных установок Союза благоденствия до инициатив либеральной бюрократии николаевского правления и эпохи Великих реформ. «Политика есть медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером, — писал Макс Вебер. — Мысль, в общем-то, правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному»[40]. На невозможное покусились участники революционного действа в декабре 1825 г. Их уцелевшим и сделавшим карьеру товарищам выпало на долю постижение искусства политического компромисса, «медленное бурение твердых пластов» авторитарного режима и крепостничества.

1 *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 20.

2 Там же. С. 192.

3 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 355.

4 *Киянская О. И.* Пестель на следствии // Россия XXI. 2007. № 1. С. 196. Уходя от схемы пяти обществ и доводя их число до 13, современный декабристовед П. В. Ильин именно Орден русских рыцарей называет первой декабристской организацией (*Ильин П. В.* Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 596–597, 602). В более ранней работе, написанной совместно с В. А. Пушкиной, этот автор менее категоричен и относит Орден к числу обществ, которые «могут считаться декабристскими, поскольку были

связаны с основной "линией" декабристской конспирации» (*Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель //14 декабря 1825 года. Вып. II. СПб.; Кишинев, 2000. С. 15).

5 *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории. СПб., 1902. Ч. 3. С. 407, 408.

6 *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. М., 2017. С. 366–367.

7 *Парсамов В. С.* Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М., 2016. С. 5.

8 Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 403, 406.

9 «Декабрист без декабря» — название известной статьи С. Н. Дурылина (Н. Кутанова), посвященной князю П. А. Вяземскому, который, как известно, в декабристских обществах не состоял (*Кутанов Н.* Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Тр. Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1932. Т. II. С. 201–290). Однако в публикациях последнего времени этот термин всё чаще обозначает именно членов тайных обществ, проявивших себя сторонниками не революционного, но реформаторского пути преобразований (См.: *Шмидт С. О.* Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 20; *Лёвин С. В.* В. С. Норов — «декабрист без декабря» // Известия Саратовского университета. Новая сер. 2008. Т. 8. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 48–51; *Калашников М. В.* Декабристы — либералы или революционеры? // Карамзинский сборник. «По чувствам останусь республиканцем...». Реформы и революции как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи. Ульяновск, 2018. С. 34 и др.).

10 Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 241–242.

11 *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX в. Т. 4: Общественная мысль. М., 2003. С. 104.

12 *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 84.

13 *Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003. С. 266.

14 *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 140–141.

15 *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1825 гг. СПб., 2011. С. 81–82.

16 *Розен А. И.* Записки декабриста. СПб., 2007. С. 127.

17 *Завалишин Д.* Воспоминания. С. 187.

18 *Гаман-Голутвина О. В.* Соотношение политики и морали: российская версия // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2005. № 4. С. 21.

19 Цит. по: *Эрлих С. Е.* Война мифов: Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб., 2016. С. 96.

20 *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории. С. 413–414; *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990; С. 72; *Выскочков Л. В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 277–278 и др.

21 *Трубецкой С. П.* Записки. С. 52.

22 *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I. С. 81–82.

23 Восстание декабристов: Документы. Т. XX / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2001. С. 457.

24 *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 103–105.

25 *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 106–107.

26 *Тургенев А. И.* Политическая проза. М., 1989. С. 167.

27 Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 563.

28 *Кузьмин П. А.* Из записок // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 296.

29 *Шкерин В. А.* Бывшие члены тайных обществ декабристов и дело петрашевцев // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сб. статей и мат-лов. СПб., 2014. С. 79–112.

[30] *Энгельсон В.* Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 147.
[31] Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов. М., 1955. Т. 1. Ч. 2. С. 278. Здесь речь идет о штатах казенных горных заводов Урала, принятых в 1827–1829 гг. в качестве опыта на три года, но де-факто действовавших и позднее (*Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России: 1700–1900. СПб., 1900. С. 143).
[32] *Шкерин В. А.* Генерал Глинка: Личность и эпоха. Изд. 3-е, доп. Екатеринбург, 2008. С. 96–130.
[33] Рабочее движение в России в XIX веке. С. 279.
[34] *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 219–220.
[35] *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. I. С. 139.
[36] *Вержбицкий В. Г.* Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 г.). М., 1964. С. 132–133.
[37] *Поджио А. В.* Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 132.
[38] *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 39.
[39] *Долбилов М. Д.* 1) Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. № 2. С. 15–36; 2) М. Н. Муравьёв и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства крае // Там же. 2002. № 6. С. 67–90.
[40] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 706.

УДК 94(47)«1825.12.14»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00035

Я. А. Гордин

Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»

Декабристоведение — живая отрасль исторической науки. Закрепленный в свое время героически-благостный миф о «людях 14 декабря», участниках мятежа Черниговского полка и вообще обо всех причастных к тайным обществам совершенно закономерно подвергся пересмотру и существенной корректировке.

Вопрос в том, насколько профессиональна и справедлива эта корректировка.

В 2005 г. вышло исследование О. И. Киянской «Южное общество декабристов, люди и события», предлагавшее обширный новый материал и наметки но-